

В.А. ЛИТВИНЕНКО

Социотехнологические комплексы: новый вид цивилизационного взаимодействия

Понятие "цивилизация" в современной научной литературе наполняется весьма различным смысловым содержанием. В данном вопросе сталкиваются не только философские и культурологические концепции, но и целые политические направления, подчас исключают друг друга. Б. Ерасов во вступительной статье к книге "Сравнительное изучение цивилизаций" пишет: «Несмотря на распространенные призывы к "вхождению в мировую цивилизацию", понимание сущности этого выражения, а также самого термина "мировая цивилизация", крошечной за ним системы научных взглядов и означаемое им состояние общества остаются смутными. Такое положение дел более чем нетерпимо, так как после радикальной (и подчас чрезмерной) критики формационной теории общественные науки (и общественная мысль) остались без адекватной общетеоретической парадигмы осмысления мировой истории и современности в культурологическом, политологическом и религиозноведческом планах» [1].

Философские баталии вокруг термина "цивилизация"

В рамках различных научных школ, концепций и дисциплинарных традиций цивилизация предстает перед нами то глобальной системой планетарного масштаба, начисляющей свою историю миллионами лет [2], то совокупностью локальных социокультурных феноменов, ограниченных в пространстве и времени [2, с. 13], то глобальной же системой, но возникшей сравнительно недавно на базе европейской цивилизации [2, с. 17]. Все эти представления по существу вполне обоснованы. Подобная "странность" объясняется тем, что современная научная коммуникация находится в состоянии предстандарта [3], поэтому один и тот же термин употребляется в различных, подчас взаимоисключающих смыслах.

Однако при ближайшем рассмотрении становится понятно, что это далеко не полный перечень противоречий. Формирование цивилизационной теории происходило в рамках двух параллельно развивающихся направлений.

Первое, символизирующее комплексный материалистический подход в изучении цивилизации, было призвано выявить закономерности феноменального развития индустриального общества, которое за период XVII-XIX веков коренным образом преобразило облик Европы и наделило ее способностью распоряжаться судьбами многих народов земного шара. Естественно, определяющим началом для этого направления выступали материальное производство, экономика, способ хозяйствования и порождаемые отношения [2, с. 26]. В рамках данного направления наиболее заметны

Литвиненко Владимир Аркадьевич - кандидат философских наук.

концепции Л. Моргана, К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Чайлда, а также последователей школы "Анналов".

Второе направление, представлявшее культурно-историческую школу цивилизационных исследований, должно было раскрыть человеку современного Запада многообразие мира в его социальных и культурных измерениях. Это направление основывалось на мощной концептуально-методологической базе, заложенной исследованиями Дж. Вико, И. Гердера, теориями эволюционистской социологии О. Конта и Г. Спенсера. В качестве отцов-основателей цивилизационной теории принято называть прежде всего Н. Данилевского, М. Вебера, О. Шпенглера. П. Сорокина, А. Тойнби, а также современных ученых, среди которых следует особо отметить Н. Элиаса и Ш. Эйзенштадта [2. с. 34]. Помимо концептуальных разногласий между данными направлениями внутри каждого из них отнюдь не существовало полного единодушия.

Современный мир (я умышленно избегаю слова "цивилизация") в очередной раз подходит к переломному этапу своего развития. Что за ним последует? Вариантов много и не все они вселяют оптимизм. Очередной этап развития может характеризоваться не только сменой основных культурно-ценностных парадигм, не только возникновением качественно новых сценариев развития, в рамках которых появятся непредставимые сегодня совокупности связей и взаимодействий, но и полным сломом всего цивилизационного организма, что бы ни подразумевалось под этим понятием. Так ли актуально в этой связи концептуальное противостояние двух направлений цивилизационной теории? Возможно ли сегодня найти ту единую основу, встав на которую, можно будет использовать весь конструктивный потенциал обоих направлений, отбросив несущественные разногласия? Учитывая кризисное состояние современного социума, поиск такой основы представляется весьма актуальным.

В настоящее время в исследованиях, связанных с изучением процессов развития, довольно широкое распространение получил синергетический подход. Согласно ему, цивилизация в обще эволюционном значении этого слова определяется «как устойчиво неравновесная система особого типа, устойчивость которой обеспечивается искусственным опосредованием внешних (с природной средой) и внутренних отношений; вся же совокупность опосредующих механизмов - материальные орудия и прочие продукты, языки, мифология, мораль и т.д. - обозначается термином "культура"» [4]. Данное определение, на мой взгляд, наиболее удачно в первую очередь своей универсальностью, так как позволяет рассматривать цивилизацию, с одной стороны, как глобальную систему планетарного масштаба, с другой - как совокупность локальных социотехнологических комплексов, выступающих в качестве системообразующих элементов. Необходимо уточнить, что следует понимать под термином "устойчивое неравновесие". «*Устойчивое неравновесие* - это характерное отношение между высокоорганизованной системой и средой, т.е. *внешнее* неравновесие. Оно (устойчивое внешнее неравновесие) обеспечивается высоким уровнем внутреннего разнообразия и динамическим балансом ("равновесием") внутрисистемных факторов» [5].

В то же время внутреннее разнообразие в сложной иерархически организованной системе - не столь однозначное понятие, как может показаться на первый взгляд. "Исследуя динамику организационных связей с позиций системного подхода. Е. Седов показал, что рост разнообразия на высших организационных уровнях обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях и, наоборот, рост разнообразия на низшем уровне ведет к разрушению верхних уровней организации" [5-8].

Здесь мы подходим к сути проблемы - формам цивилизационного взаимодействия, складывающимся в современном мире. В какой мере увеличение внутреннего разнообразия, которое наблюдается сегодня, является конструктивным фактором применительно к глобальной суперсистеме либо, наоборот, это симптомы глубокого системного кризиса, предшествующего разрушению системы?

Что такое "социотехнологический комплекс"?

Рассматривая цивилизацию как глобальную социотехнологическую систему, необходимо ответить на вопрос: является ли такая система свершившимся фактом, находится ли она в стадии формирования, либо это вообще одна из распространенных иллюзий современности? Для того чтобы решить данную проблему, необходимо определиться в главном, а именно, что такое социотехнологический комплекс?

Предположим, что это система устойчивых социокультурных и технико-технологических связей, взаимодействие которых определяет характер и направление развития социума в определенных пространственно-временных интервалах. Данное определение несколько перекликается с тем, что было предложено Л. Февром. Он, в частности, пишет: "Цивилизация - это равнодействующая сил материальных и духовных, интеллектуальных и религиозных, воздействующих в данный отрезок времени в данной стране на сознание людей" [9].

Однако в нашем случае речь идет не об отдельно взятой стране, а о культурном регионе, в состав которого входят народы, имеющие сопоставимый уровень технологического развития, сходные или не взаимоисключающие друг друга культурные традиции, единое геополитическое пространство, связанные единой технологической инфраструктурой. Такую систему можно охарактеризовать как региональный социотехнологический комплекс, вернее, как подсистему, поскольку взаимодействие совокупности таких подсистем в идеале должно образовать глобальную суперсистему, которая отождествляется в общественном сознании с понятием "планетарная цивилизация".

Однако следует заметить, что идеальная модель крайне редко реализуется на практике. Наличие определенного количества устойчивых систем социокультурных и технологических связей вовсе не предполагает их безусловной трансформации в систему глобальную. Это результат желаемый, но вовсе не обязательный. Более того, наличие таких систем не предполагает как нечто само собой разумеющееся возникновения региональных комплексов в предложенном виде. В результате чего, в таком случае, они могут и должны возникнуть?

Здесь мы вплотную сталкиваемся с проблемой оптимизации. Причем оптимизации не только техносферы, о чем в последнее время говорят довольно много, но и всей совокупности связей и отношений, составляющих сущность современной цивилизации. Задача довольно масштабная, если не сказать больше. Попытаемся наметить конкретные пути решения данной проблемы или, точнее, определить один из возможных сценариев развития событий в данном направлении.

Проблема оптимизации и учение о ноосфере

Одно из направлений современной науки, в рамках которого ученые и специалисты различных областей знания пытаются решить или по крайней мере наметить конкретные пути решения острейших проблем цивилизации, - социальная экология. Это наука о "законах функционирования и развития социоприродных связей, о принципах и методах оптимизации взаимодействия общества с природой" [10]. Однако к самой проблеме оптимизации как таковой может быть несколько подходов. Один из них - совершенствование отдельных технологических циклов или даже целых направлений технико-технологического развития в рамках существующих культурно-ценностных восприятий социума. Именно в рамках данной концепции разрабатываются различные виды безотходных технологий, природосберегающие и природоохранные программы, ужесточается экологическое законодательство в ряде стран. Безусловно, подобная деятельность имеет большое значение и очень важно, что люди почувствовали ее необходимость. Но эти меры пока носят поверхностный, "косметический" характер. Они могут на некоторое время сгладить, смягчить проявление кризисных тенденций современности, но не разрешить их.

Бесперспективность данного пути (если принять его за основу) обусловлена тем, что в последнее время разрушение, которым, согласно закону нарастания энтропии, оплачивается любая конструктивная деятельность, становится неадекватным. Иными словами - мы разрушаем больше, чем создаем. Кроме того, бесперспективна сама культурно-ценностная установка на неограниченную технологическую экспансию, которая доминирует в сознании социума в настоящее время. Таким образом, рассмотренный выше путь оптимизации может быть частным случаем, одним из этапов, но никак не стратегическим направлением.

Что же представляет собой другой путь? Прежде чем непосредственно перейти к его анализу, рассмотрим два момента, казалось бы, не связанных непосредственно с нашей проблематикой.

Понятие системы обычно определяют как совокупность объектов, взаимодействие которых вызывает появление новых интегративных качеств, не свойственных отдельно образующим систему компонентам. В нашем случае речь идет об открытой неравновесной системе "общество-человек-техника-природная среда". Что же представляет собой то новое интегративное качество, которое возникло (или должно возникнуть) в результате взаимодействия компонентов, образующих данную систему?

Облегчает понимание данной проблемы учение В. Вернадского о ноосфере. К настоящему времени оно считается общепризнанным, однако сам термин "ноосфера" неоднозначен. Имело ли место данное явление ранее, скажем, в период промышленной революции, существует ли сейчас или ему только предстоит появиться в будущем - единого мнения на сей счет пока нет. С момента своего возникновения учение заметно расширилось и дополнилось, стало жить как бы собственной жизнью независимо от своего создателя. Очевидно, это судьба всех великих идей.

Многие обвиняют учение Вернадского в утопичности [11], и для этого есть определенные основания. Вспомним, что же сам Вернадский считал ноосферой. "Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, его мыслью и трудом, ставится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая того сами, приближаемся, и есть ноосфера" [12]. Таким образом, по мнению Вернадского, процесс становления ноосферы - необратимый, закономерный этап развития биосферы, направляемый усилиями всего человечества. По крайней мере это следует из приведенной цитаты.

Однако здесь возникает закономерный вопрос. Вправе ли мы полагать, что целенаправленное воздействие человека на биосферу обязательно будет конструктивным? Исходя из имеющегося на сегодняшний день опыта взаимоотношений человека с окружающей средой, такой вывод вряд ли можно считать оптимистичным. Кроме того, человечество сегодня, несмотря на то что его совокупная деятельность сопоставима по масштабам с геологообразующими процессами, отнюдь не представляет собой монолитного образования и вряд ли станет таковым в обозримом будущем. Воздействие на биосферу в настоящее время никак нельзя назвать конструктивным.

Вместе с тем учение Вернадского интересно в первую очередь тем, что на его основе проблематика оптимизации технико-технологического прогресса приобретает вполне конкретные очертания и может быть сформулирована рядом положений, определяющих стратегию и тактику дальнейшей работы в данном направлении. Если учение о ноосфере принять за отправную точку в проблеме оптимизации технико-технологического прогресса, то более очевидными становятся и пути ее реализации.

Итак, ноосферу как "новое состояние, геологически переживаемое биосферой", мы вполне можем считать одним из основных, новых интегративных качеств, возникших в результате взаимодействия компонентов исследуемой нами системы. В настоящее время более правомерно вести речь не столько о ноосфере, сколько об *этой ноосфере*. По мнению Н. Моисеева, это "эпоха истории человечества, когда развитие производительных сил и цивилизации в целом должно быть согласовано с развитием самой планеты, и в первую очередь биосферы" [13]. В какой мере это будет практи-

чески достигнуто - зависит только от нас. Следовательно, новое интегративное качество системы может быть реализовано лишь в результате целенаправленных усилий всего человечества. Более того, именно появление таких интегративных качеств и характеризует нормальное развитие сложных систем.

Существует вполне авторитетное мнение, что нелинейные процессы, протекающие в диссипативных системах, практически невозможно надежно прогнозировать, ибо развитие совершается через случайность выбора пути в момент бифуркации, а сама случайность не повторяется [14]. Однако это вовсе не означает, что прогноз невозможен вообще. Согласно принципу доминантности [15], определенные факторы развития доминируют в системе в определенных пространственно-временных интервалах. Изменив своим воздействием условия внутри системы, они утрачивают доминирующие свойства, точка доминантной нагрузки смещается в сторону других факторов. На этой основе может строиться довольно приемлемая система прогнозирования.

Если вернуться к несколько устаревшей сегодня концепции форм движения материи, то мы заметим, что в настоящее время доминирующей является социотехнологическая форма¹. Но воздействие данного фактора начинает отрицательно сказываться на системе в целом. Назрела насущная необходимость внести существенные коррективы. Однако с чего начинать?

Технологические потоки, хотя и обладают собственной внутренней логикой развития и имеют, таким образом, некоторую степень свободы, без постоянного и целенаправленного воздействия со стороны социума самостоятельно развиваться не могут (но крайней мере пока). Данное воздействие осуществляется в виде оптимизации технологического развития, к которому можно подходить с различных точек зрения, о чем говорилось ранее. Подход к данной проблеме с точки зрения внутренней логики развития техносферы предполагает вполне традиционные рецепты, о чем также упоминалось. Этот путь, безусловно, способствует развитию технологий и техники, однако мало что дает системе в целом, так как гипертрофированное развитие одного ее компонента неизбежно предполагает деградацию остальных. К чему приводят попытки оптимизации социальной сферы без адекватного технологического сопровождения, мы также хорошо знаем. Где же выход?

Оптимизация технологического прогресса с точки зрения целостного развития системы "общество-человек-техника-природная среда" выводит на первое место проблемы контроля и управления процессами нарастания энтропии, грозящими полностью ее дестабилизировать. Решение проблемы предполагает глобальное оптимизирующее воздействие на всю технологическую составляющую системы со стороны общества. Это означает проведение комплекса согласованных и целенаправленных мероприятий в масштабе планеты, причем в максимально сжатые сроки. Возможно ли такое воздействие на современном этапе развития системы? Безусловно, нет. Для успешного решения задачи такого масштаба человечеству необходимо в первую очередь единство, которого сегодня нет и в помине. На какой почве это единство может быть достигнуто в обозримом будущем?

История цивилизации знает немало попыток решить эту задачу силовыми методами. Результат всегда был плачевный. Культурных или политических предпосылок сегодня также не наблюдается. В экономической сфере идет жесточайшая конкурентная борьба, иногда принимающая самые уродливые формы, вплоть до прямых военных столкновений. Мировые религии, послужившие фундаментом современной культуры, также остаются факторами, разделяющими человечество. Остается единственная сфера приложения сил, охватывающая практически все человечество.

¹ Несмотря на классическую трактовку пяти основных форм движения материи, нетрудно заметить, что в реальной жизни в чистом виде они практически невозможны. Если уж вести речь о формах движения материи, то более целесообразно использовать комплексный подход, согласно которому черты и признаки низших форм движения присутствуют в высших, а высшие, в свою очередь, развиваясь, синтезируют свойства, не имевшие места ранее.

Это сфера технологического развития. Причем не следует забывать, что технологии - это не только производство. Существуют социальные технологии, политические и т.д. Реализация тех или иных социальных и политических технологий в различных регионах также может быть одним из параметров консолидации. Именно это наблюдается сегодня в исламском мире. В данном случае технологии играют роль не столько некоего инструмента "целенаправленного повышения эффективности техники" [16], сколько определенной суперпозиции, базы, на которой возникает специфическое культурное пространство, объединяющее различные социальные системы. Однако прогресс в области технологий не является залогом прогресса как такового "по умолчанию". Более того, неконтролируемое развитие технологий, в том числе социальных и политических, может уничтожить уже достигнутые плоды прогресса.

Крушение двухполюсной модели развития. Новая геополитическая ситуация

Оптимизация технологического развития выглядит сегодня как локальное воздействие в масштабе одного или нескольких государств, благополучие которых основано на некоторых, исторически сложившихся видах производства, взаимодействующих между собой на межгосударственном уровне. На их основе к середине XX века начали формироваться региональные социотехнологические комплексы. Как бы ни была сильна конкурентная борьба между различными государствами, составляющими определенный комплекс, как бы ни были сильны их политические разногласия, интересы производства в конечном итоге всегда оказывались сильнее. Игнорирование этого принципа руководством стран "социалистического лагеря" было одной из причин крушения системы. Не единственной, но немаловажной.

Отсутствие четкой концепции в области оптимизации технологического развития и наличие разрозненных попыток ряда развитых стран предпринять определенные шаги в этом направлении говорят о том, что нет единых правил игры, а значит, и единого игрового пространства, понимаемого нами как единая цивилизация.

Развитие политической ситуации в современном мире также ясно показывает, что существует несколько различных наборов правил, действующих в различных регионах. Распространение одного определенного набора правил возможно лишь путем подавления им другого (или других). В случае неприятия или открытого сопротивления в действие под различными предлогами вступает военная сила.

Если проследить динамику крупных военных конфликтов второй половины XX столетия, то нетрудно заметить, что граница противостояния практически всегда проходит не на государственном, а на цивилизационном уровне. То есть идет активный процесс образования новых цивилизационных структур, взаимодействие или противостояние которых будет определять облик ближайшего будущего. Очевидно, назревает насущная необходимость серьезного пересмотра смысловой нагрузки термина "мировое сообщество". Вернее, его конкретизации, так как сегодня под ним понимаются различные вещи, не имеющие подчас ничего общего с действительностью. Здесь мы вновь сталкиваемся с ситуацией "предстандарта", как и в случае с терминами "цивилизация" и "ноосфера". Только на этот раз проблема перестает быть чисто академической.

Следует заметить, что такие понятия, как "мировая цивилизация", "мировое сообщество", "человечество", довольно прочно укоренились в общественном сознании и на бытовом уровне воспринимаются вполне адекватно. Неужели дело здесь и несоответствии понятий и терминов? Скорее всего, не только. Дело в том, что попытки представить западную цивилизацию в виде аналога глобальной планетарной структуры предпринимались не только в виде теоретических споров представителей различных направлений цивилизационной теории.

Был предпринят и ряд конкретных шагов, призванных закрепить статус европейской цивилизации. Один из них - создание ООН. Однако функции этой всепланетной

организации оставались и остаются чисто номинальными. Реальной власти у ООН не было и нет (и скорее всего в обозримом будущем не будет). Судьбы мира вершились в "ядерном клубе", который составлял основу Совета безопасности ООН. Именно решения этого органа были определяющими, именно они имели конкретное значение. Но сам "ядерный клуб" вовсе не был монолитным. Его составляли государства, разделенные по идеологическому признаку и жестко конкурирующие между собой. Таким образом, мировое развитие строилось на балансе сил и интересов двух сверхдержав, представлявших, как считалось, две взаимоисключающие системы. Однако разногласия, и довольно существенные, имели место и внутри конкурирующих лагерей. Причем если сами разногласия удавалось гасить тем или иным способом, то причины, их вызвавшие, не только не устранялись, но и накапливались, постепенно подводя к критической отметке.

Но действительно ли противостояние двух лагерей (социалистического и капиталистического) представляло противостояние двух систем или же это было своего рода взаимодействие двух полюсов одной системы?

Политология относит коммунизм и либерализм к единому типу идеологий, называя его "универсалистским" (т.е. универсальным, всеобщим), и противопоставляет идеологиям "специфистского" толка, основанным на традиционных, консервативных ценностях. В XX столетии в мире сменялись два цикла геополитического развития.

Первый был эпохой доминирования национальных государств. Второй цикл отражал транснациональные тенденции глобального противостояния двух лагерей. Начало этого цикла пришлось на окончание Второй мировой войны и формирование транснациональных институтов типа ООН. Окончательная черта была подведена после раздела мира на два глобальных экономических и военно-политических союза - западный и советский. Экспансионизм обоих блоков основывался на попытках глобализации мировых процессов на условиях собственного лидерства. Многоцветная картина мира была заменена примитивной двухполюсной схемой, невзирая на национальные и культурные особенности стран и народов.

Все больше фактов говорит о том, что социалистический и капиталистический лагерь представляли два полюса одной системы, основанной на балансе сил и интересов, а по сути на их жестком противостоянии, ослабевшем на рубеже 80-90-х годов. Нынешний, третий этап отражает новые геополитические реалии, предсказанные еще в XIX веке нашим соотечественником Н. Данилевским и получившие развитие в трудах О. Шпенглера, "веховцев". Сегодня эти идеи нашли отражение в работах С. Хантингтона. Суть их в том, что от транснационального, блокового противостояния мир неизбежно перейдет к цивилизационному, когда соперничают группы стран и народов, близких (или хотя бы совместимых друг с другом) по социокультурным признакам.

Таким образом, очередная трансформация глобальной социотехнологической системы идет по сути максимального увеличения внутреннего разнообразия. Двухполюсный мир, ранее жестко разделенный по идеологическому признаку, стремительно преобразуется в многоцветную палитру. Однако следует заметить, что увеличение внутреннего разнообразия происходит не только на макроуровне, но и на более низких уровнях организации, что говорит о крайней нестабильности ситуации. Разумеется, столкновения и военные конфликты современности происходят не только между цивилизациями, но и внутри локальных цивилизаций, на что обращают внимание критики цивилизационной концепции Хантингтона. Но не они будут определяющими при формировании новой геополитической реальности в современном мире. Попытаемся определить, хотя бы в первом приближении, основные "точки напряженности" цивилизационного взаимодействия на ближайшее будущее.

Противостояние или взаимодействие? Поиск путей неконфронтационного развития

Западная цивилизация никогда не смирится с тем, что в силу изменения геополитической ситуации на планете и крушения двухполюсной модели развития она превратилась из ведущей и направляющей в одну из многих, пусть и наиболее развитую в настоящее время. Очевидно, Запад во главе с США попытается любой ценой сохранить лидирующее положение в мире. В противном случае будет просто невозможно поддерживать ставший привычным стандарт жизни для своих граждан, который многими экспертами и аналитиками оценивается как необоснованно завышенный. На это направлены усилия внутренней и внешней политики ведущих стран Запада, нашедшие концентрированное выражение в концепции национальной безопасности США, сформулированной в 1996 году. Вот некоторые, наиболее общие выдержки: "В современном мире различия между внешними и внутренними угрозами национальной безопасности становятся все более неразличимыми, исчезает разделение проблем на внешние и внутренние, стирается разделительная линия между внешней и внутренней политикой. Развал коммунистической системы не только позволил с новой силой разгореться застарелым конфликтам, но и открыл дорогу новым опасностям, таким, как распространение оружия массового поражения и попадание его в руки все новых государств и негосударственных образований. Мы должны объективно оценивать подобные угрозы и заблаговременно готовиться к их отражению.

В связи с тем что проблемы, источники которых находятся за пределами наших границ, становятся внутренними проблемами..." [17, с. 10].

"Чтобы защитить свои интересы и обеспечить их реализацию, США перед лицом угроз и опасностей, рассмотренных выше, должны иметь мощные и гибкие вооруженные силы, способность решать различные задачи:

- сдерживание и разгром агрессоров в крупных региональных конфликтах. Для этого необходимо эффективное сдерживание или разгром агрессора за счет создания и поддержания на должном уровне группировок ВС США более чем в одном регионе мира, если этого потребует обстановка;

- обеспечение необходимого присутствия на заморских территориях. Войска США должны быть размещены в ключевых регионах в мирное время для сдерживания агрессии и осуществления наших стратегических интересов" [17, с. 14].

Не менее показательны пункты данной концепции относительно распространения и поддержания демократии и рыночной экономики в мире: "Проблема заключается в том, сможем ли мы успешно продвигаться вперед по этому пути в условиях изменения угроз идеалам и практике демократии. Поэтому в наших интересах, чтобы демократия служила основой и целью международных структур, которые мы строим путем конструктивной дипломатии. Основой, потому что эти институты являются отражением соответствующих ценностей и норм. Целью, ибо если наши экономические институты будут в безопасности, демократия будет процветать...

Наша стратегия национальной безопасности основывается на стремлении к расширению сообщества демократических государств с рыночной экономикой и одновременному сдерживанию и сокращению числа угроз государствам - нашим союзникам и нашим интересам" [17, с. 10].

Таким образом, мы можем предположить, что основой стратегии Запада является распространение демократии и рыночных отношений во всем мире и поддержание этих отношений любой ценой, даже силой оружия. Именно это и было успешно продемонстрировано мировому сообществу в ходе Балканского конфликта - как в Боснии, так и в Косово. Разумеется, распространение демократии и более прогрессивных способов хозяйствования - цель вполне благородная и в принципе не вызывает сомнений в своей необходимости. Но возникает вполне закономерный вопрос. О какой именно демократии идет речь? Что вообще следует понимать под этим термином? При

всей кажущейся очевидности однозначного ответа на этот вопрос нет и, судя по всему, быть не может.

Обстоятельное объяснение на сей счет дает К. Гаджиев в статье "Эпоха демократии?": "Необходимо иметь в виду следующий весьма важный, но не всегда учитываемый момент. Как известно, термин "демократия" в дословном переводе с древнегреческого языка означает "народовластие" или "власть народа". В этом смысле важнейшим признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. Причем разные народы могут по-разному трактовать содержание и формы этого народовластия" [18]. "Подобным же образом, почему нельзя допустить, что народовластие у народов и стран других регионов, в том числе и России, может иметь иное содержание, иные параметры и конфигурацию, нежели, скажем, у американцев, французов, англичан и др." [18, с. 7]. Кроме того, развитие демократии и рыночных отношений вовсе не обязательно идут рука об руку, что также достаточно четко показано в приведенной статье [18, с. 4-7].

Так что же стоит во главе угла стратегии развития Запада? Очевидно, ведущие страны Запада и в первую очередь США озабочены распространением собственной модели демократии и рыночных отношений, нимало не заботясь, насколько эта модель приемлема для остального мира. Данная ситуация сильно напоминает модель "экспорта революции", которой в разное время было озабочено руководство стран коммунистической ориентации. Подобная политика не может не вызвать противодействия, которое будет иногда выражаться в довольно резкой форме. Это указывает на то, что первая линия противостояния обозначится на культурно-ценностном "фронте". Победит та модель развития, чьи культурно-ценностные установки окажутся доминирующими в различных социумах в той или иной степени. Таким образом, вырисовывается первое глобальное противоречие современного мира между монополярной моделью развития, основанной на лидерстве западной цивилизации во главе с США, и многополюсной моделью с несколькими центрами сил, конкурирующими между собой.

Вторая линия противостояния также в общих чертах очевидна. Здесь речь идет о естественных ресурсах, которые составляют сырьевую и энергетическую базу цивилизации. Их еще называют невозполнимыми, хотя с учетом развития современных технологий это определение представляется крайне спорным. Американский экономист П. Пильцер писал: "Обращаясь к истории, можно по вполне понятным причинам прийти к выводу, что наилучший способ увеличения запасов естественных ресурсов - взять их у кого-то другого. И действительно, представление, что пирог ограничен, и если отрезать кусок побольше, это будет означать, что кому-то достанется меньше, всегда воспринималось большинством человечества как вполне разумное" [19, с. 410].

Но что такое естественные ресурсы и действительно ли так важно для цивилизации увеличение их разнообразия? Вопрос может показаться абсурдным. Увеличение спектра ресурсной базы напрямую влияет на расширение границ экологической ниши человечества, если не снимает полностью, то по крайней мере отодвигает неприятные перспективы глобальных катастроф, технологических и социальных кризисов. О чем, казалось бы, говорить? Но на практике все гораздо сложнее.

Без преувеличения можно сказать, что нефть сегодня — двигатель мировой экономики. Но что она представляла собой, скажем, 100 лет назад? Не более чем липкое черное вещество (ее называли "странным загадочным жиром"), на которое кто-то однажды наткнулся в богом забытом месте [19, с. 409]. Даже после того, как полковник Дрейк пробурил первую нефтеносную скважину², нефти не нашли лучшего применения, чем использовать ее в качестве смазочного материала, общедоступного

- Справедливости ради следует заметить, что в Китае стали добывать нефть многими столетиями ранее описанных событий. Разумеется, там тоже речь не шла об использовании ее в качестве энергоносителя.

лекарства и сильно чадающего горючего для ламп [19, с. 409]. Только после появления двигателей внутреннего сгорания нефть стала рассматриваться как ценный ресурс. Возникает вполне закономерный вопрос: что будет считаться ценным естественным ресурсом завтра? Учитывая современное развитие технологий, в том числе и информационных, - все что угодно, вплоть до полной смены основных компонентов ресурсной базы цивилизации. В принципе ничего необычного и тем более сверхъестественного в этом нет. Подобное происходило и раньше. Но когда многократная смена технологических эпох происходит при жизни одного поколения, реакция может быть весьма неоднозначной.

Представим себе, что разработана, испытана и внедрена в производство технология, способная полностью или в значительной степени решить энергетические проблемы человечества. Вдобавок ко всему она безопасна и нейтральна экологически или, как сейчас говорят, чистая. Нефть больше не нужна. Нет необходимости загрязнять окружающую среду, тратить гигантские средства на хранение и транспортировку, ликвидацию последствий выбросов и пожаров, аварий на заводах и нефтепроводах и прочие неприятности. Но куда денутся нефтедобывающие и нефтехимические концерны, куда денутся миллионы людей, задействованных в этой и смежных сферах? Как это отразится на социальном и политическом устройстве мира? На эти вопросы ответов, похоже, нет. Вернее, они есть, но их содержание может многим не понравиться. При условии существования единой суперсистемы, понимаемой как единая планетарная цивилизация, и наличия в ее рамках единых правил игры подобная ситуация вряд ли будет выглядеть катастрофической. Но такой суперсистемы сегодня нет. Старая двухполюсная модель разрушена, новая, многополюсная, находится в стадии формирования и в начальной стадии борьбы с монополярной моделью Запада.

Таким образом традиционная борьба за контроль над естественными ресурсами вполне может перерасти (и скорее всего перерастет) в конфликт различных базовых направлений развития культуры. То есть культура западной цивилизации, культура, грубо говоря, основанная на культе потребления, неестественно высокий стандарт которого можно поддерживать лишь на основе собственного лидерства, вступит в борьбу с различными культурами, которые будут стремиться к лидерству, основываясь на совершенно других принципах. Все это говорит о незавершенности многополюсной модели, ее переходном характере.

Следовательно, социотехнологические комплексы, формирующиеся в настоящее время в различных регионах планеты, не являются цивилизациями в полном смысле слова. Это зародыши различных культурных направлений, одно из которых неизбежно станет доминирующим. И на базе этого доминирующего направления сложится новая суперсистема, как это в свое время произошло с культурой Запада.

Столкновения и противостояния различных цивилизационных образований ни в коем случае не являются единственной формой цивилизационного взаимодействия. В определенной мере неизбежной - безусловно, особенно на начальном этапе, но не единственной. Гуманитарные завоевания человечества достаточно значительны, чтобы позволить нам в одночасье сползти в высокотехнологичное варварство. В противном случае каждый прорыв в области высоких технологий будет сопровождаться очередным переделом уже поделенного мира. В этом случае дело не ограничится одними локальными конфликтами. В то же время характер развития современных боевых технологий перешел тот уровень, когда глобальный конфликт как средство достижения определенных целей самоубийствен, что, впрочем, отнюдь не отменяет вероятности его возникновения. В этой ситуации человечество просто обречено искать более приемлемые формы разрешения своих проблем. Нам придется создать культуру, исключаящую насилие, а не регламентирующую его.

* * *

Смена парадигм общественного развития всегда сопровождается социальными потрясениями. Это вполне объяснимо. Формирующиеся цивилизационные организмы -

социотехнологические комплексы - будут стремиться расширить зону своего влияния и будут делать это до тех пор, пока сопротивление среды не зафиксирует их в определенных географических и культурно-ценностных границах. Ситуация усугубляется тем, что с развалом СССР и крушением социалистического лагеря произошла фактическая денонсация международных соглашений, достигнутых после Второй мировой войны. Мир перешел в новую фазу развития - из послевоенной - в предвоенную. Решающим фактором международных отношений вновь становится военная сила и примеров тому достаточно. Данная ситуация будет сохраняться до тех пор, пока не выработаны новые правила игры, приемлемые для всех участников процесса, адекватные новой геополитической ситуации на планете.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что формирующиеся социотехнологические комплексы не являются новым качеством цивилизации. Они представляют собой переходную модель развития, этап очередной трансформации глобальной суперсистемы. Какой вид она примет - покажет будущее. В любом случае мир уже не будет таким, **каким был**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ерасов Б.Е.* Вступительная статья // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998. С. 5.
2. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998. С. 20.
3. *Крушанов А.А.* Язык науки в ситуации предстандарта. М., 1997.
4. *Низаретян А.П.* Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры: синергетика исторического процесса. М., 1996. С. 42.
5. *Назаретян А.П.* Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техно-гуманитарного баланса // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 135.
6. *Седов Е.А.* Информационные критерии упорядоченности и сложности организации // Системная концепция информационных процессов: Сборник трудов ВНИИ системных исследований. М., 1998. Вып. 3. С. 39.
7. *Седов Е.А.* Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
8. *Иванченко Г.В.* Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Таганрог, 1999. С. 67, 68.
9. *Февр Л.* Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Бои за историю. М., 1991. С. 282.
10. *Комаров В.Д.* Социальная экология. Философские аспекты. Л., 1990. С. 119, 120.
11. *Кутырев В.А.* Утопическое и реальное в учении о ноосфере // Природа. 1990. № 11. С. 4.
12. *Вернадский В.И.* Химическое состояние биосферы Земли и ее окружение. М., 1965. С. 328.
13. *Моисеев Н.Н.* Оправдание единства // Философия и социология науки и техники. М., 1988-1989. С. 100.
14. *Митина О.В., Петренко В.Ф.* Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 105.
15. *Литвиненко В.А.* Факторы технологического прогресса и проблемы его оптимизации // Вести Академии наук Беларуси. 1994. № 2. С. 26.
16. Философия техники: история и современность. М., 1997. С. 71.
17. Стратегия национальной безопасности США. Стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире // Профи. 1999. Май.
18. *Гаджиев К.С.* Эпоха демократии? // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 7.
19. *Пильцер П.* Безграничное богатство. Теория и практика "экономической алхимии" // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.